

Рубрика "Чеховские тетради", которую ведет Виктор Гульченко, регулярно появляется на страницах "ЭС". На сей раз размывления автора о пьесе "Вишневый сад" непосредственно связаны с его собственным режиссерским опытом.

фуражке проходит печальная Шарлотта.

Дуняша - настоящая женщина. Книжеч она, в отличие от Епиходова, почти не знает, но хорошо, тем не менее, понимает книжную любовь - со "страстями роковыми", с Раулями и Гастонами, с "траф подошел сзади и..." - наподобие той любви, какую вычитывала и о какой мечтала в "На дне" горьковская Настя после напряженного трудового дня или ночи. Сегодня и Дуняша, и Настя очень полюбили бы телевизионные "мыльные оперы" латино-американской выделки и стремились бы походить на темпераментных их героинь. Надо ли говорить, как внимательно Дуняша к Яше, побывавшем там, где по улицам загрохотало променад местных Раули и Гастоны.

И потому сцена, где Дуняша буквально разрезается между Боклем, Епиходовым (теоретиком) и Гастоном Раулем-Яшею (практиком), может иметь соответствующее жанровое очертание и содержать в себе элементы легкого лирического пародирования. Тут не лишне вспомнить о водевиле и оперетте. В сцене весьма пригодится и пластика, привнесенная "стилягой" Яшею из Парижа: незнакомая в этих местах мелодия разольется из граммофонной трубы по всему пеленару - взамен привычных для здешнего уха русских романсов. Можно в общем-то посчитать, что любвеобильная Дуняша будет разрываться между Востоком и Западом.

Настоящая (другой ступени и другого жанра настоящая, разумеется) женщина здесь и Раневская, и Варя. Более того, мать и приемная дочь в какой-то миг становятся невольными соперницами, наподобие Елены Андреевны с Солей в "Дяде Ване". Женщина пробуждается здесь и в Ане.

Аня вернулась в ужасе от Парижа, то есть от матери в Париже. С другой стороны, оказалась там, она почувствовала себя на какой-то другой планете жизни. Париж "возрослил" ее, изрядно расширил ее представления о жизни. Аня уезжала туда девочкой, ребенком - вернулась взрослой девушкой, готовой стать женщиной. Раневская с испугом обнаружила это. И с радостью тоже, ибо увидела в Ане молодую себя. Аня начала пьесы - это уже новая Аня. Такую же еще не видела Варя, не видел Петя. Вот это открытие в Ане нового человека и надо обнаружить тем, кто близок к ней: Варя, по существу, второй ее матери; дядя, в какой-то степени заменяющий ей несуществующего отца; Пете, который когда-то, видимо, неудачно пытался ухаживать за Варей, а теперь вот открыл женщину в Ане. Открыл - и испугался. Аня моложе, но взрослее Пети. К концу пьесы она вообще сильно взрослеет.

Всем без исключения женщинам "Вишневого сада" не повезло с выведенными в этой пьесе мужчинами. Чехов открыто симпатизирует женщинам и недолюбливает мужчин. Немудрено, что в его пьесах пахнут пачулями, курицей, сельдкой и гелиотропом. "Скорее мотаю на ус, - скажет по поводу гелиотропа Тригорин, - приторный запах, вдовый цвет (подчеркнуто мной. - В.Г.), упомянуть при описании летнего вечера". Мужчины и женщины у Чехова никак не составляются в сколько-нибудь подходящие, устойчивые пары - комедия, да и только! Есть зато вполне сложившиеся одиночки: Гаев, Шарлотта. Гаев и, в особенности, Шарлотта вообще кажутся некими бесполовыми существами. С другой стороны, в Гаеве, под современным натиском "толубизации всей страны", можно и вовсе заподозрить черт знает что. Настаивать на этом нет резона, но совершенно очевидно: по неведомым нам причинам Гаев сторонится женщин.

"У Шарлотты в нашем спектакле появится не вполне свежий, зато вполне трогательный кавалер: Симеонов-Пищик. Она заметит это. И ошутит наконец в себе женщину. Возникшие между Пищиком и Шарлоттой отношения следует дать намеком, но обязательно дать. Что-то вырвется наружу лишь в сцене расставания - в четвертом действии. И тогда Любовь Андреевна, случайно оказавшаяся причастной к этому, тихонько отойдет в сторону.

"...Всему на свете бывает конец, - не смея вплотную приблизиться к Шарлотте, произносит Пищик. - А дойдет до вас слух, что мне конец пришел, вспомните вот эту самую... лошадь и скажите: "Был на свете такой, сжой... Симеонов-Пищик... царство ему небесное..." Шарлотта и Пищик смотрят друг на друга широко раскрытыми глазами. Оба готовы рыдать.

"Замечательная погода... Да..." - добавляет Пищик и, уже совсем не владея собой, машет в отчаянии рукой и уходит. Но сделал несколько шагов, оборачивается вновь: "Кланялась вам Дашенька!" Эти последние слова прозвучат как самое настоящее признание в любви. Застыть, как вкопанная, Шарлотта лишь через какое-то время шевельнется и медленно пойдет в ту же сторону, куда удалился Пищик. Тихая фортепьянная музыка (тема Шарлотты) угаснет вместе с ее уходом.

Этот эпизод с откровенными признаками мелодрамы (места Дуняши, оставшая здесь являю) должен найти свое органичное место в череде осен-прощаний четвертого действия, которое, все целиком, и есть Прощание. Прощание людей

ем действию невидимая машина этого "пролета" недвижно, наподобие НЛО, зависает над Домом и Садам, от тяжелого потаенного ее гула могут дрожать стекла, посуда в шкафу или на столе. Дело идет к катастрофе - крушению Дома, что представляет большую угрозу и для Сада, ведь Дом - часть Сада. В четвертом действии мы можем наблюдать последствия этой катастрофы. можем ощущать светлосеняльное ее, так сказать, послевкусие.

В поисках образного решения третьего действия на сцене нелишне обратить внимание на мысли английского теоретика Питера Генри и отечественного практика В.С.Мейерхольда.

"Связь между особенностями поэтики Чехова и практикой А.Белого, - пишет П.Генри, - видится и в новаторском применении приема **силуэта**. Чехов часто использует силуэты в общепринятом смысле - как силуэтное, неясное изображение человека или предмета. Иными словами, "полнокровный" портрет, характерный для реалистического стиля, заменяется его тенью".

Бал у Раневской, по мнению В.С.Мейерхольда, это "веселье, в котором слышны звуки смерти", веселье, когда во время глумлого "топотанья" незаметно для людей входит Ухас: "Вишневый сад" продан. Танцуют. Продан. Танцуют".

"Силуэты", "тени" - вот вполне реальные гости этого бала призраков. Заполнить сцену десятками отлично танцюющих артистов массовки - занятие наверняка увлекательное, только вряд ли столь уж обязательное для поэтики чеховского спектакля.

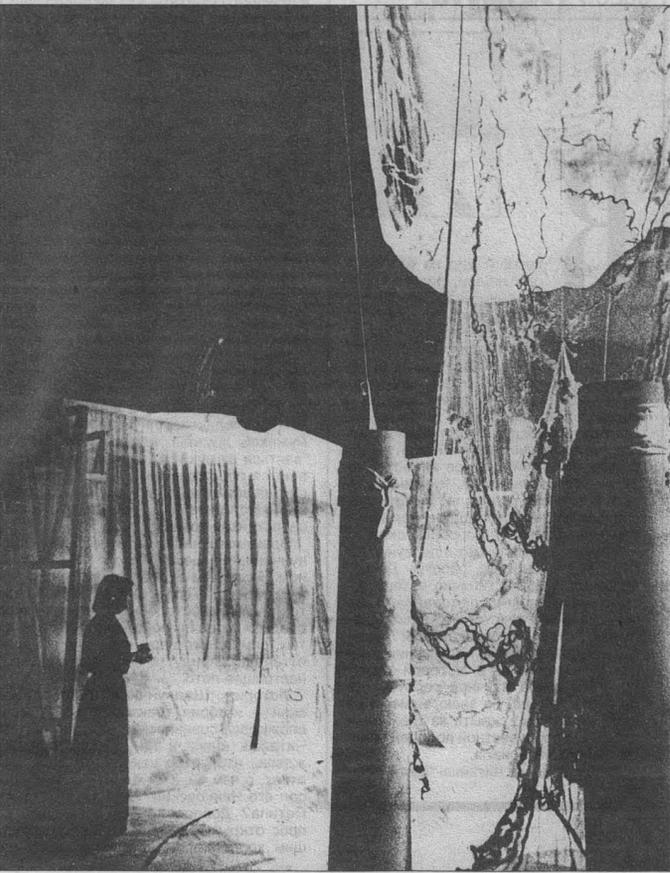
Задана не в том, чтобы показать веселье, а в том, чтобы дать образ невольного этого веселья, обнаружив безразличие этого праздника, маленького "тира во время чумы".

Раневская затеяла бал, чтобы забыться. В самом деле, нервы ее на пределе. Тревога вселилась в нее еще раньше, во втором действии, когда после "звука лопнувшей струны" перед участниками пикника вдруг возникло инородное тело

Виктор ГУЛЬЧЕНКО

Метаморфозы

"Вишневый сад", этот подлинный чеховский шедевр, этот манифест драмы XX века, таит в себе столько потаенных возможностей, что обнаружить их придется еще не одно столетие.

- Прохожий. Он нагугал Раневскую не меньше, чем Варю, и она от страха вручила ему последний золотой. Прохожий в нашем спектакле удаляется от соображивших, декламируя часть стихотворения А.К.Толстого "Трещица" (по чеховской ремарке, в следующем действии именно его попытался было прочесть начальник станции).

Бал в пьесе Чехова - без начала и без конца. В первые минуты третьего действия он уже продолжается, а в последние - прерывается с возвращением Гаева и Лопухина из города.

Это - несостоявшийся бал: бал-вызов, бал-протест, бал-отчаяние, бал-панихида. И наилучшая форма присутствия тех же гостей, как и тех же музыкантов, коренится в возможности физического их отсутствия. В их невидимости. В их призрачности. Да и гости, к тому же, явно не далекого от прежних ранжиров пошиба. Так что и фактически это бал, за который студию, - бал "второй свежести", бал лакеев. Но главное, конечно, не в породности гостей, а в их очевидной неужности здесь и сейчас.

И потому в нашем спектакле дан бал без гостей. Гости подразумеваются. Они там - за огромными колеблющимися при любом дуновении ветра белыми портьерами, закрывающими гостиницу. Портьеры - это занавес "театра в театре", где выступают со своими фокусами Шарлотта. Там, на втором плане, за занавесом, какой-то праздник. Здесь, на первом плане - закулисье, будни.

Третье действие, все целиком, и разворачивается на **территории закулисья**. Это совсем другая психология, совсем другое поведение персонажей. Тут, за кулисами Бала призраков, продолжается предельная, аневальная жизнь. Сюда могут заглянуть на секунду и исчезнуть вновь. Бала мы не видим, но мы его ощущаем.

Сада

чувствуем контрастную закулисную его атмосферу. **Видимость бала** много интересней и выразительней, чем реальный бал.

А что до гостей и до танцев...

Так ведь это театр! Главные действующие предметы на нашем призрачном балу - легкие венские стулья, причудливое их расположение легко читается (черная графика) на белом полу закулисья. Выбрав не самый короткий маршрут между стульями, к Раневской медленно приближается Варя в не-

коем сомнамбулическом сне-танце. На Варю длинный газовый шарф, который розовым ручейком нежно обгагает гладкие деревянные поверхности. В какой-то миг Варя даже откровенно танцует с пустым стулом, будто это Лопухин, который, между прочим, именно в этот самый момент и правит на расстоянии этот странный Бал (вот уж воистину: "Люди гибнут за металл, сатана там правит бал..."). Во время танца Варя смотрится в спинку стула, как в зеркало, водружает его себе на шею, будто ярмо, и даже улыбаются, разговаривает с ним, как с живым кавалером.

Стульев много. С ними происходят разные метаморфозы. Вот сцена Раневской с Петей, например, где Любовь Андреевна вступает за честь своего любимого, опять и опять возвущает ее в Париж, и вообще - за любовь. Она в ярости надвигается на Петю - и очень скоро он, уже лежа на спине, в ужасе ползает от нее, она, раскочиваясь прямо над ним на стуле в позе всадника, продолжает преследовать этого господина-правдолюбца, который, видите ли, "вышел любви". Пребывая в каком-то немольстимом экстазе, носится со стульями Яша, носится перед самым возвращением Лопухина и Гаева по всему закулисью - туда-сюда, сюда-туда, спешно "созрачивая" Бал.

"Стулья" Ионеско, между прочим, могли выйти из "Вишневого сада", как из гоголевской "Шинели".

А еще этот Бал - последний бал Шарлотты. Вся ее затая с фокусами, куда у нас попадет и телеграмма из Парижа, - вызов Раневской, по-единку с нею, Раневская, между прочим, открывшись побавляется Шарлотты. По лицам Шарлотты - это жестокий Бал. Покончив с фокусами, она удалится, словно шарица бала, шлейфом волоча за собою шуршащий плед - здесь она чем-то еще напоминает и одержавшего победу тореадора. В четвертом действии мы увидим уже совсем другую Шарлотту. Шарлотту без маски клоуноэсы, и вообще - без маски.

И еще - это триумф Яши. Он окажется последним персонажем последнего фокуса Шарлотты, появляясь из-под пледа вслед за Аней и Варей тоже в клоуновском наряде, точь-в-точь как у сатмар Шарлотты. Яша как бы примет от нее самого себя, заместит его и, будучи человеком "второго сорта", по своему спародирует ее на этом "второсортном" балу.

И еще - это появление в закулисье все-таки одного живого гостя Бала, хотя, точнее, всего лишь живого призрака гостя. Произойдет легкая подмена: функции начальника станции тут как бы перейдут к уже знакомому нам Прохожему. Он возникнет с бокалом в руке, продолжая декламировать (словно бы и не прерывался ни на миг) все ту же "Трещицу" Толстого и, совершив своего тихо-торжественный обход вокруг Раневской, удалится, будто его и не было, будто это наваждение какое. Вечный странник Прохожий в качестве гостя на Балю - все тот же фантомный

персонаж, посланец Рока. Постепенно настоящий ужас овладевает Раневской. И когда к ней (как всегда некстати) в очередной раз обратится с денежной просьбой Пищик, просто обратится, ничем ее не пугая, - она в неадекватном, уже прежде накопившемся, испуге кинется от него прочь.

И только Фирс, преданный Фирс, вырчит свое барыню. Не выдержав нахлынувших на нее впечатлений, она приблизится к слуге и, на рушая господский протокол, уткнется ему в плечо - в качестве, ну, скажем, чуть ли не блудной дочери. Дальше последует так называемый "балус с Фирсом". Они, оба крайне смущенные, будут нелепо топтаться почти на одном месте, вовсе не пытаясь, разумеется, танцевать. Но это странное "топотанье" в полной, гробовой тишине и станет "вальсом с Фирсом" - кульминацией Бала.

Любовь Андреевна. Фирс, если продадут имени, то куда ты пойдешь?

Фирс. Куда прикажете, тудя и тейду.
Любовь Андреевна. Отчего у тебя лицо такое? Ты нездоров? Шел бы, знаешь, спать...
Фирс. Да... (С усмешкой.) Я иду спать, а без меня тут кто подаст, кто распорядится? Один на весь дом.

Вот диалог, который входит в "вальс с Фирсом". Как тут необходимы крупные планы кино! Какое требуется мастерство - режиссера, актера, всех, всех, всех, чтобы в полную мощь проявил этот "вальс", эта трагическая мелодрама! А возможностью здесь масса. Равно как и обстоятельство, мотивирующее поведение персонажа Яши, например. В этот миг Раневская уже все знает, еще ничего не зная, Фирс обо всем уже догадался, уже все вычислил. (Кстати, именно такие слова - "Догадался! Вычислил!" оба наших исполнителя роли Фирсы уже в другой роли - Веллера Мартина выкрикивая в лицо Фонси Дорси в диалог по пьесе Д.Кубурна "Игра в джиг".)

Фирс, как и в случае со "звуком лопнувшей струны", утверждающе, на расстоянии ловит дурную весть. Вопрос "куда ты пойдешь?" возникнет уже после многих, невысказанных вслух, слов - когда они оба долго и пристально глядящихся друг в друга, по существу, прощаясь навсегда. Теперь уже и в **мемсте** знают наперед и что она броне всех, в числе Фирсы, и уедет в свой Париж; и что ему в общем-то ни ехать, ни идти совершенно **некуда** (вопрос "Фирса отравили в болонью?", равносильно вопросу "Фирса отравили в моголгу?"), да и незачем, так же как **некому** тут, подавать на этом Балю и **нечем** тут распорядиться.

Они долго глядяются друг в друга, продолжая нелепое свое "топотанье". Она молча просит Фирса простить ее, проявить к ней милосердие - и мудрый, добрый старик смиренно прощает грешницу. И они улыбаются друг другу, тихо рыдая оба, не в силах оторваться друг от друга, пока Фирс не изловчится и деликатно не отойдет в сторону.

Уже **все** знает, между прочим, и Яша. Во-первых, по живому телеграфу донеслась весть об уже случившейся продаже сада. И хоть и пытается Яша тщетно успокоить Раневскую - "Это там какой-то старик болтал. Чужой", он тем не менее как раз и знает подробности, которые поведал старик. Кухня, будь то имяне Раневской или московской Кремль, **всегда все знает**. После "вальса с Фирсом", который Яша не без живого интереса наблюдал, овладевши свежей информацией, он сделает последний свой бросок перед новой жизнью. И он уже не просит, а жестоко, властно приказывает своей барыне: "Возьмите меня с собой, сделайте милость!".

К моменту возвращения Лопухина и Гаева Раневская уже на все решится. Поэтому там, в последней части Бала призраков, важен не информационный слог события, не кто купил имение, а кто в **действительности** проиграл и в действительности победил в этот день, 22 августа. Важно, как поведет себя проигравшие, но не побежденные Раневская, Гаев, Варя, Аня и победивший, но проигравший Лопухин - новый владелец вишневого сада, но никак не хозяин Сада. Важны немые диалоги Раневской и Гаева, Раневской и Ани. Важен весь этот сложившийся "балет" взаимоотношений, оценок и переоценок, который ярче, образней можно выразить и передать прежде всего, пластическими, а не речевыми средствами. Ведь реплики в пьесах Чехова, действительно, верхушка айсберга.

III. Язык Гаева

В каждой чеховской пьесе есть один или даже несколько персонажей, предпочитающих вступать в общение с другими на особом, только им присутщем языке. Слшком просто ограничить это отличие лишь проявлениями чудачества, возрастом и тому подобным.

Вот что, например, наблюдает чешский режиссер Отмар Крейна в поведении одного из героев "Чайка".

Дорн напевает и, напевая, расцветает. Это очень важный момент в его характеристике, совсем не малая черточка. Свою **подлинную** (подчеркнуто мною. - В.Г.) жизнь он как бы проживает в напеваемых им романсах. Словами романсов он отвечает, ими утешается, ими вторит своему бесконечному, ищет с их помощью жизненного равновесия.

В этом режиссерском наблюдении - ключ к образу Дорна. Помимо Дорна, в том же ряду стоят Гаев,

Фирс, Шарлотта, Чебутыкин, Соленый. Все они в той или иной степени находятся в необычных взаимоотношениях со Словом как таковым.

С самого начала работы над "Вишневым садом" нас весьма увлекла загадочная фигура Гаева и, в частности, более чем скромный, как у известной Эплочки-плододедки, "бильярдный" его словарь.

Окружающие то и дело умоляют Гаева "не говорить", "молчать", как будто это Шамраев или Вафля, которым действительно в ряде случаев стоило бы "заткнуть фонтан". Но ведь Гаев уже давно много и не говорит. Да, он изъясняется странно, непонятно, в иных кратких его монологах слышим много пафоса, которого бы хватило на сотни слов. Но не шитие, бога ради, там позы, актерствования или еще чего-нибудь ложно-высокого. Нетрудно понять, что такое речевое его поведение - защитная маска.

Гаев **слишком искренен** - и в этом его беда. Своей чрезмерной искренностью, верней, самой гостовностью к ней Гаев способен и отпугнуть, оттолкнуть собеседника. Но более преградуяшущим, с течением лет все более маскируемом, нет ни тени неискренности и лжи. Гаев действительно убежден в чужовости лопухинских проектов (не с деловой, а с сословной, нравственно-этической точки зрения). Гаев действительно походит на большого ребенка и, за вычетом откровенно юного возраста, он таковым и является. Нельзя забывать и того, что Гаев, в сущности, очень одинок. Он привязан только к Фирсу, как и Фирс привязан к нему. Эта пара несколько напоминает Дон Кихота и Санчо Пансу. У Гаева нет детей. Гаев, кажется, не знал близости с женщиной.

"Человек восьмидесяти годов", Гаев свое уже отболел и отговорил. Как Серебряков, например, или как Тригорин, которые тоже люди "восьмидесяти годов" - "восьмидесяти лет". Или даже, как Дорн: "Отвели уж давно хризантемы в сад..." Все они - не буквальны ровесники, но тем не менее относимы к поколению "отцов", Адуевых-старших, которые как и в "Обыкновенной истории" Гончарова, в сравнении с Адуевыми-младшими, скажем так - своего рода почти совершенно **некуда** (вопрос "Фирса отравили в болонью?", равносильно вопросу "Фирса отравили в моголгу?"), да и незачем, так же как **некому** тут, подавать на этом Балю и **нечем** тут распорядиться.

Они долго глядяются друг в друга, продолжая нелепое свое "топотанье". Она молча просит Фирса простить ее, проявить к ней милосердие - и мудрый, добрый старик смиренно прощает грешницу. И они улыбаются друг другу, тихо рыдая оба, не в силах оторваться друг от друга, пока Фирс не изловчится и деликатно не отойдет в сторону.

Уже **все** знает, между прочим, и Яша. Во-первых, по живому телеграфу донеслась весть об уже случившейся продаже сада. И хоть и пытается Яша тщетно успокоить Раневскую - "Это там какой-то старик болтал. Чужой", он тем не менее как раз и знает подробности, которые поведал старик. Кухня, будь то имяне Раневской или московской Кремль, **всегда все знает**. После "вальса с Фирсом", который Яша не без живого интереса наблюдал, овладевши свежей информацией, он сделает последний свой бросок перед новой жизнью. И он уже не просит, а жестоко, властно приказывает своей барыне: "Возьмите меня с собой, сделайте милость!".

К моменту возвращения Лопухина и Гаева Раневская уже на все решится. Поэтому там, в последней части Бала призраков, важен не информационный слог события, не кто купил имение, а кто в **действительности** проиграл и в действительности победил в этот день, 22 августа. Важно, как поведет себя проигравшие, но не побежденные Раневская, Гаев, Варя, Аня и победивший, но проигравший Лопухин - новый владелец вишневого сада, но никак не хозяин Сада. Важны немые диалоги Раневской и Гаева, Раневской и Ани. Важен весь этот сложившийся "балет" взаимоотношений, оценок и переоценок, который ярче, образней можно выразить и передать прежде всего, пластическими, а не речевыми средствами. Ведь реплики в пьесах Чехова, действительно, верхушка айсберга.

Невежливо повернувшись к Лопухину спиной, Гаев обратится к сестре: "А ты знаешь, Люба, сколько этому шкафу лет?". Заняв твердую позицию между собеседниками, Гаев повернется к Лопухину и глядя прямо на него скажет: "Вот этот пахучего шкафа, он и провозвест знаменитый мой монолог, вложив в него все чувства, какие он испытывал к Лопухину."

Тот прекрасно поймет все и только и сможет отреагировать на гаевское "атанде": "Да... Поймет это и Раневская и, захлопнув створки шкафа, произнесет в сердцах: "Ты все **такой же** (подчеркнуто мной. - В.Г.), Ленья". На что Гаев вполне решительно отзывается: "От шара направо в угол! Режу в средину!". Разумеется, Фирс одобрит такое поведение барина.

(Окончание на 10-й странице).